



АНАТОЛИИ ГОДИЛО

РАССКАЗ

Как трудно порой разобраться в своих чувствах. Глядя на товарищей, повзрослевших и возмужавших после школы, думая о нас с тобою, я иногда ловлю себя на мысли, что жалею об ушедшей юности.

Юность. Не та, не школьная. А после — наша самостоятельная юность, когда мы, споря до хрипоты, выбирали свои пути-дороги. И где ее граница? Я сказал, что жалею об этой поре. А может быть, я ошибаюсь? Наоборот: приятно расставаться с ней. Кто знает? Я не могу сейчас тебе сказать наверное, что это за чувство. Оно велико, оно волнует.

Мой друг! Я знаю; прочтя эти строки, ты усмехнешься и скажешь: «Влюбленный антропос. Толька-философ, как всегда, ты витаешь в облаках».

Да, да, мир открыт тысячи лет назад, а я до сих пор мечусь в поисках чего-то. Я пять лет у станка и до сегодняшнего дня не могу сказать, даже самому себе, что это — мое призвание, мое будущее. А когда об этом говорили другие, те, кто судит о тебе по количеству процентов, я смеялся над ними. Для того, чтобы посвятить себя какому-то делу, отдать ему весь жар своего сердца, мне кажется, нужен сильный душевный толчок. Толчок, который бы отбросил все твои сомнения. Может быть, я только сегодня стал Колумбом, первооткрывателем своего «я». Понимаешь, дорогой! Ты не сердись — послушай!

У меня сегодня удивительно хорошее настроение: я изобрел резец. Да, представь, резец собственной конструкции. Ну, может, изобрел...

это слишком, но все равно — придумал. Знаешь, что Витька сказал:

— Это революция в токарном деле: один резец заменяет сразу четыре.

Думаю, Коля, по этому чертежу ты его сам сделаешь и оценишь по достоинству. Он на вашем заводе здорово пригодится.

А Бобчик, надеюсь ты его не забыл, любитель древности, наш «астроном», — пропищал:

— Аристотель сказал: «Ум заключается не только в знании, но и в умении приложить знания на деле».

Его перебил Ваня Козлик:

— Ты смотри, Толик, не зазнавайся, как начнут о тебе писать в газетах.

Зазнаваться я и не подумал, а тем более — о славе. И все-таки, что ни говори, приятно работать своим инструментом. Этими резцами работает уже вся наша бригада. Ребята подсчитали: сегодня дадим по две нормы. Вот завтра забегаются наш нормировщик! Представляешь, вся бригада по две нормы за смену. И это при технически-расчетных нормах. С этим сюрпризом мы и идем вечером к начальнику цеха Михаилу Ивановичу. Тот обрадуется старик! Ведь с планом в этом месяце горим. А тут — находка.

Ух, и расхвастался я, правда, Колька?

В то время, когда я витал на седьмом небе, мимо меня, шурша шелком, проплыла дивчина. И кто бы ты думал? Наша Валька-заводила. Впрочем, теперь она уже не Валька, а Валентина Федоровна — старший технолог цеха. В прошлом году она защитила диплом инженера. А мы все еще пятикурсники. Да не в этом дело.

— Валя, Валюша! — кричу я на весь цех, догоняя ее. — Ты знаешь, Валюша, — говорю, — у меня сегодня радость, закачаешься! Угадай, — толкнув ее в бок и затаив дыхание, жду с нетерпением вопроса.

Валя поправила складку на

платье,— в нем она, честное слово, сама весна, посмотрела вокруг, точно желая убедиться, не видел ли кто моей бесцеремонности, и, поджав губы, проговорила:

— Знаешь, я спешу,— и, показав папку с красными тесемочками, хлопнула по ней рукой. — Дела.

Ты же, Колька, помнишь этот ее жест? Раньше он сопровождался улыбкой, милой Валькиной улыбкой. И хлопала она так по станку или просто по плечу любого из нас, мальчишек.

Но мое счастье было настолько искренним, что я задержал ее руку в своей, как бывало:

— Валечка, так резец... придумал! Посмотри. Как думаешь, выдержит он двойную нагрузку?— Я держал на вытянутой руке резец и не мог понять Валю. Она смотрела куда-то вдоль пролета.

— Понимаю, рада, очень рада за тебя. Пусти же,— она вырвала свою руку из моей.— Ах да, резец! Хорошо, я скажу начальнику. Пиши рацпредложение.

Что творилось с Валею, я не мог объяснить. Но если бы ты видел в ту минуту мою глупую физиономию! Вероятно, я был смешон. В самом деле: сколько можно носиться с этими резцами? Какой это образец — сотый? Право, я и сам не помню. Они порядком надоели не только Вале, но и всем в цехе. Как на грех — провалы и провалы. Но ведь то были неудачи. А сегодня...

— Люди смотрят на нас,— укоризненно, чуть слышно сказала Валя.— Ты забыл где мы? Подними резец. Белые туфельки, осторожно ступая среди блестящих колечек металлической стружки, уносили обладательницу папки наверх, в конторку.

Смутное представление чего-то впервые нарушило мой душевный покой. Я привычно закрепил резец в станок и включил его. Патрон, набирая скорость, запел свою бесконечную песенку. Ее мелодия всегда жива и нова. Да ты сам, мой друг, знаешь эту мелодию хорошо настроенного станка. Стружка, снимаемая резцом, легко скользит по станине, стремительно спускается на пол, и вот,

захватывая мелкие виточки, как живая, извивается по пролету цеха.

Припоминается недавнее.

...На дворе ночь. Мороз затейливо расписал окна нашего цеха. Посредине стоит железная бочка. Обыкновенная бочка, в каких возят горючее. Тогда она превращена была в печку... Мы раскаляли ее докрасна. Теперь бочки нет: в новом цехе паровое отопление. А тогда в цехе тускло мерцали лампочки. Низко склонившись над станками, наша бригада работает. Но вот от соседнего станка отделилась щупленькая фигурка. Краешком глаза замечаю — Валя. А она, подойдя к бочке, командует:

— Мальчики, девочки, перекур!

И, повинувшись Валиному голосу, останавливаются станки. Все собираются у печки. Кто-то подбрасывает дрова. Затрещало пламя, бросая свои отсветы на лица ребят. Валя достает газеты и читает. Она агитатор.

— Тише вы,— рывкает Витка на расшумевшихся ребят. Мы подвигаем поближе к агитатору пустые ящики, заготовки, бракованные детали,— все то, что может служить опорой уставшему телу, и слушаем Валю.

...Первым не выдерживает Ваня Козлик:

— Давайте споем, хлопцы, а? Давайте! Пусть дома о нас не жуются.

Поет он, ты же знаешь, неважно, но зато с увлечением.

Жарко потрескивают дрова. Ярче, кажется, разгораются лампочки у потолка.

Мы только расселись, а Валя подает новую команду:

— По станкам!

Ее серые с лукавинкой глаза, искрятся.

Мурлыча песенки, мы включаем станки. Но ночная смена трудная, особенно для девочек. К утру многих клонит ко сну. Коченеют ноги.

Вдруг кто-то хлопает в ладоши. Да это же Валя! Она снова у бочки-печки:

— Гимнастика, ребята! Становись!..

К концу смены у новенькой Клавы

Вербицкой что-то неладится со станком. Выражение лица у нее такое — вот-вот заплачет. Но рядом уже Валя, в руках у нее резец. Валя объясняет, потом достает справочник и листает его. Обе возятся со станком. И я вижу совсем другое выражение Клавиного лица — с таким лицом не плачут. А тут еще Клава задорно встряхивает головой. Волосы у нее золотисто-рыжие, копной. Ребята насмешливо называют эту причёску «я у мамы дурочка».

За десять, пятнадцать минут до гудка мы все встречаемся в маленьком помещении — это святая святых цеха: отдел технического контроля. Хозяйка этого отдела, по определению нашего «астронома», — блондинка кукурузного цвета. Она сурова и беспощадна, несмотря на то, что у нее поэтическое имя — Ирочка.

— Ну как, Коля, с брачком? — встречает она нас подковыркой. — А у тебя, Мишель, успехи? Полторы нормы? Умница! — Взглянув на детали Бобчика, она смеется. — Как всегда философствуешь, а до нормы недотянул!

— Заготовка дрянь попалась, — оправдывается «астроном». — Ирочка, послушай, чтобы попасть на Марс, надо будет лететь...

Ирочке давно известно, о чем сейчас пойдет разговор, поэтому, не дослушав Бобчика, она набросилась на Ваню Козлика:

— А ты что суешь брак?

Тот, пряча негодную деталь в карман, обиженно тянет:

— Подумаешь, брак — одна втулка попалась.

Бобчик, желая уязвить Козлика (они соперники), говорит Ирочке:

— Тех, кто, жизнь прожив, от жизни не научится уму, никакой учитель в мире не научит ничему.

Ирочка звонко смеется и кричит вдогонку «астроному»:

— От тебя архивной пылью пахнет...

Последней сдает детали Валя. Ирочка быстро орудует микрометром и, подавая мне молоток с клеймом, приказывает:

— Штампуй!

Пока я штамую, Боб выводит мелом на Доске показателей нашу выработку. Больше всех, как всегда, у Вали. Что ж, она — наш авторитет, заводила, бригадир,

Все это было, мой друг, совсем недавно, и в то же время давно. Особенно остро я почувствовал это сегодня. Какое огромное нравственное расстояние проходит человек в своем развитии, даже за такой ничтожно малый срок, как год. Тому пример — Валя, думал я. Что значит ее холодность, ее отчужденность от нас, нашей славной «гвардейской» бригады, которой она в свое время так гордилась! Неужели ей не дорога наша сегодняшняя радость? — мучился я. Где ты, наша прежняя Валька, Валя?

И вдруг мой слух уловил слова:

И тревожной думою томлюсь...

Еще не оглядываясь, боясь вспугнуть, я знаю — это она.

Расставаясь с детством окончательно,

Может, и с тобой я расстанусь...

Я слышу на своей шее теплое дыхание — ее дыхание, Валино, и знаю, что она сейчас улыбается. Для нее почему-то эта последняя строка всегда имеет какой-то особенный смысл. Возможно, и не только для нее.

— Читай, — подавая через мое плечо молодежную газету, — говорит Валя.

«Изобретение резца новой оригинальной конструкции токарем механического участка...» Ты, понимаешь, Колька, черт возьми, там стояла моя фамилия. А дальше корреспондент писал: «Применение этого резца позволяет сократить три операции на обработке валов. Производительность труда по цеху повышается вдвое». А я-то думал, что об этом еще никто не знает, кроме бригады.

— А как же с сюрпризом? — растерянно проговорил я. — Ведь мы хотели удивить начальника цеха и напугать нормировщика выработкой.

Услышав это, Валя долго смеялась, а потом, посерьезнев, сказала:

— Ты не сердись, милый. Ведь твой резец я испытала раньше тебя. И

корреспонденту рассказала вовсе не я, а начальник цеха Михаил Иванович.— Она говорила еще что-то, а я смотрел в ее серые, немного лукавые глаза и видел в них то, о чем мы никогда еще не говорили вслух.

Вот и все, мой друг. Сегодня мы переступили, наверное, порог юности. В юности мы берем разбег на завтра, на всю жизнь.